

В апреле 1918 года владыка Митрофан был возведён в сан архиепископа, а к концу года Астрахань стала одним из эпицентров борьбы Красной Армии с казаками на Юге России. 18 февраля 1919 года архиепископ организовал в городе крестный ход, во время которого он отслужил заупокойную литию на братской могиле погибших красноармейцев.

В ночь на 8 мая 1919 года владыка Митрофан был арестован. Архиепископа обвинили в контрреволюционном заговоре, и 6 июля того же года он был убит.

27 декабря 2001 года на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви было принято решение о включении в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века Священномученика Митрофана (Краснопольского). Однако место нахождения его святых мощей остаётся загадкой. Известно, что священники Астраханской епархии выкупили тела владык Митрофана и Леонтия, погребли их подобающим чином на территории бывшего Покрово-Болдинского монастыря, но могила эта была впоследствии разрушена и останков в ней на сегодняшний день нет. В Астрахани ходят слухи о том, что тела архиепископов были перезахоронены на городском кладбище, но, так или иначе, вопрос об их местонахождении по сей день остаётся открытым.

Список литературы

- 1 Балакина, Т. И. История русской культуры / Т. И. Балакина. – М., 1993. – 86 с.
- 2 Будовниц, И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.) / И. У. Будовниц. – М., 1960. – 491 с.
- 3 Вздорнов, Г. И. Византия и Русь / Г. И. Вздорнов. – М., 1989.
- 4 Рыбаков, Б. А. Мир истории / Б. А. Рыбаков. – М., 1984.
- 5 Вопросы формирования русской народности и нации : сб. статей. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1958.

УДК271.22 (476.25) «19»

ОСОБЕННОСТИ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЗДНИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬЩИНЫ)

И. А. ГРИЩЕНКО, С. А. ЮРИС

Учреждение образования

«Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого»

В 1970-х – н.1980-х гг. советское государство воспринимало Русскую Православную Церковь (РПЦ) как рудиментарное образование, с которым приходится сосуществовать. Были определены строгие рамки, в которых допускалось функционирование религиозных организаций. В этих условиях заниматься широким миссионерством церковь не могла, а приходская жизнь

замыкалась на себе, при этом участие детей и молодежи в жизни религиозной общины отслеживалось и по-прежнему пресекалось контролирующими органами.

В 1975 г. изменилась процедура регистрации религиозных обществ. Полномочия по открытию и закрытию храмов, находившиеся ранее в компетенции местных советов депутатов, переходили к Совету по делам религии. В этот же орган религиозная организация могла обращаться с жалобами. Обладая правами юридического лица, религиозная община могла приобретать церковную утварь, предметы религиозного культа, арендовать или покупать для своих нужд здания, приобретать строительные материалы, транспортные средства. Единственной недвижимостью, которой религиозные организации по-прежнему не могли владеть, были храмы. Государство оставляло за собой монополию на регулирование их количества [1].

В 1977 г. в СССР была принята новая Конституция. Как и в предыдущей, в ней подтверждалось, что граждане СССР могут исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, при этом акцент в понимании свободы совести делался в сторону атеистической пропаганды. Право же на участие в религиозной жизни, на церковное служение, как и прежде, приходилось отстаивать. Например, в 1977 г. священнику Речицкой церкви Петру Латушко пришлось писать объяснительную уполномоченному по Гомельской области А. Н. Ятченко по поводу решения его сыновей Сергея и Павла поступать в Ленинградскую духовную семинарию. В объяснительной священнику необходимо было отметить, что они «свое решение о поступлении приняли совершенно сознательно и непринужденно» [2, л. 30–31].

Реализация антицерковной и антирелигиозной политики в 1970-е – н. 1980-х гг. в основном сводилась к атеистической пропаганде и дисциплинарному взысканию за участие в религиозных обрядах. Для координации деятельности всех общественных организаций в деле атеистического воспитания при обкомах, горкомах и райкомах КПБ, в первичных партийных организациях были созданы Советы по атеистическому воспитанию населения [3, л. 33]. Несмотря на это (и во многом благодаря индифферентности местного руководства к атеистической работе) к началу 1980-х гг. в Гомеле стал наблюдаться рост крещений детей. Если в 1978 г. было крещено 19,7 % от всех родившихся, то за три месяца 1981 г. этот процент достиг 24,9. По Гомельской области самый высокий процент крещений к н. 1980-х гг. был в Добруше (42,1 %) и в Гомеле (25,5 %), а также в Гомельском (38,4 %), Речицком (34,8 %), Добрушском (32,2 %), Буда-Кошелевском (29,8 %), Рогачевском (26,3 %), Петриковском (26,1 %), Жлобинском (24,2 %), Калинковичском (23,5 %), Лоевском (20,2 %) районах. Самый низкий показатель крещения детей был в Светлогорском (2,9 %), Хойникском (5,1 %), Брагинском (7,1 %) и Кормянском (9,8 %) районах, что объясняется отсутствием в этих районах храмов [4, л. 46, 48–49].

В реальности эти цифры были гораздо выше, поскольку далеко не все совершенные обряды регистрировались – родители и восприемники, будучи коммунистами и комсомольцами, опасались неприятностей на работе. Уполномоченный отмечал в отчетах, что в Николаевской церкви г. Гомеля порядок учета крещения детей нарушался регулярно [5, л. 75]. Нередко детей крестили в отдаленных деревенских приходах старшие беспартийные родственники, подписи родителей при этом подделывались. Организованные формы обучения детей религии по-прежнему были запрещены. Формально родители имели такое право, но в то же время, они обязаны были воспитывать детей в духе коммунистической нравственности и морали.

В противовес церковным обрядам власти пытались сделать привлекательными гражданские обряды (октябрины вместо крещений детей, обряд бракосочетания вместо венчания, гражданская «панихида» вместо церковного отпевания). Вопреки усилиям властей по их популяризации, количество торжественных регистраций рождений увеличивалось медленно. В Гомеле в 1972 г. процент таких регистраций составил 12,9, а в 1973 г. – 22,7. Крещений же в Гомельской церкви в 1972 г. было совершено 1361 (24,2 % от всех новорожденных), в 1973 г. – 1195 (21,3 %). Пожалуй, самым массовым гражданским обрядом стала торжественная регистрация браков. В Гомеле в 1973 г. она составляла 88,9 %. Венчаний же проводилось мало. В Гомельской церкви в 1972 г. и 1973 г. состоялось только по одному венчанию [6, л. 31–39]. Показатели крещения детей все еще оставались высокими, но степень воцерковления снижалась. Посещаемость церквей была низкой (за исключением больших религиозных праздников). Прихожанами в основном были женщины пожилого возраста.

Церковные ритуалы советскими людьми чаще всего воспринимались формально. Для многих они не были наполнены внутренним духовным содержанием. Не желая афишировать свою причастность к церкви, люди чаще прибегали к заочному участию в обряде отпевания. В результате очные отпевания стали значительно уступать заочным. Так, в 1974 г. в Гомельской церкви было 7 очных отпеваний, а заочных – 746, что от числа умерших составило 41,2 % [3, л. 16]. В 1980 г. очные отпевания в той же церкви составили 0,4 % от общего числа умерших, заочные отпевания – 44,9 %. По области очных отпеваний было 7,3 %, заочных – 22,6 % от числа умерших [4, л. 49].

Накануне и в день религиозных праздников партийные и советские органы на местах организовали разнообразные массовые мероприятия с целью отвлечения молодежи от посещения церкви. В рабочих коллективах проводились беседы, лекции, разъяснительная работа о сущности религиозных праздников. В пасхальную ночь организовывалось наблюдение за поведением прихожан и особенно молодежи, для чего привлекались общественные организации. По мнению властей, эта профилактическая работа давала положительные результаты.

Религиозность населения в поздний советский период оценивать довольно сложно. Утрата церковной традиции в результате многолетней массовой антирелигиозной пропаганды укореняла обрядоверие, а утаивание фактов крещения детей не дает полной статистической картины.

В 1970-х – начале 1980-х гг. советское государство, терпя присутствие церкви в обществе, в ответ требовало ее участия в пропагандистских акциях. Так, например, в гомельской Николаевской церкви (единственной в городе после закрытия в 1960 г. Петропавловского собора) в проповедях священников нередко звучала тема борьбы за мир. Отчисления в фонд мира и охраны памятников культуры являлись отдельной статьёй расходов православных приходов. В 1980 г. из 633,6 тыс. рублей годового дохода церковью Гомельской области 69,7 тыс. было пожертвовано в фонд мира, 16,9 тыс. в фонд охраны памятников истории и культуры. В 1983 г. из 739,8 тыс. рублей дохода в данные фонды было выделено соответственно 71,7 тыс. и 14,2 тыс. рублей [7, л. 6; 8, л. 34].

Государство продолжало вмешиваться в хозяйственную деятельность приходов, например, требуя от исполнительных органов, чтобы певчие церковных любительских хоров не получали плату или подарки к праздникам, в противном случае это рассматривалось как благотворительность. Исключение в гомельской области составляли только два храма: гомельская Николаевская церковь (11 хористов) и мозырский Михайловский собор (3 хориста). Им официально ежемесячно выплачивали от 10 до 25 рублей [9, л. 22–23].

В целом любая форма социальной деятельности церкви, будь то благотворительность или сбор средств на церковные проекты, была законодательно запрещена. Для власти социальная активность церковников была недопустима, она воспринималась как скрытая пропаганда религии. Считалось, что в советском обществе все социальные проблемы успешно решаются государством. Тем более, категорически запрещалась какая-либо помощь монастырям и церквям. Государственные органы отслеживали активных верующих. Например, уполномоченный по Тернопольской области в 1975 г. уведомил своего коллегу по Гомельской области о том, что православные верующие Гомеля в 1975 г. отправили почтовые переводы и посылки в Почаевскую лавру. В списке значилось 15 человек, в том числе из Лоева, Брагина, Калинковичей, а также из Гомельского, Буда-Кошелевского, Ветковского районов. Посылки были весом от 3,5 до 10,7 кг, а переводы от 7 до 20 рублей [10, л. 96–97].

На рубеже 1970–1980-х гг. со стороны уполномоченных Совета по делам религий активизировалась работа по изучению проповеднической деятельности духовенства. Это преследовало две цели: сохранить контроль за духовенством и использовать материалы проповедей в антирелигиозной пропаганде. Религиозная проповедь разрешалась только в стенах храма и не должна была содержать критику советского государства. В 1979 г. в Го-

мельской области аппаратом уполномоченного было прослушано 220 проповедей, в 1982 г. – 248 [4, л. 6; 11, л. 28]. Для организации этой работы при обкоме ЛКСМБ было создано специальное подразделение – методический совет по научному атеизму, к работе которого привлекли студентов старших курсов Гомельского государственного университета (исторического и биологического факультетов). В совет вошли 25 комсомольцев с «жизненным опытом» и хорошей успеваемостью [12, л. 104]. Уполномоченный по Гомельской области Г. С. Затора делает следующий вывод по содержанию проповедей священников: «Православное духовенство ведет пропаганду религии, обращаясь к темам мира, труда, дисциплины, нравственного воспитания, поведения в обществе, семейных отношений. Из 475 прослушанных проповедей 280 были посвящены религиозной теме, 95 – религиозно-патриотической, 100 – вопросам морали и нравственности. Духовенство в проповедях активно обучает верующих религии» [11, л. 29].

Сложилась определенная система работы с духовенством и церковным активом. Ежегодно для духовенства проводились областные семинары, на которых читались лекции о Конституции СССР, законодательстве о культурах, разъяснялись важнейшие решения партии и правительства в области внешней и внутренней политики [11, л. 34].

Сохранился строгий контроль за формированием «двадцаток» и исполнительных органов религиозных объединений, а также перемещением священников. Показателен случай, когда настоятелю Николаевской церкви г. Гомеля протоиерею Василию Копычко пришлось писать уполномоченному объяснительную записку со своим участием 8 августа 1979 г. в венчании Георгия Тура (сын настоятеля Мозырского собора Василия Тура), которое состоялось в г. Быхове Могилевской области. В объяснительной В. Копычко указал, что он расценил это событие как внутрисемейное и частное дело, поскольку Георгий Тур является его крестником [5, л. 70].

Благочинный Гомельского округа протоиерей Василий Копычко, посещая по долгу службы храмы, выступал не только с проповедями, но и поздравлял новопоставленных священников и тех, кто получал архиерейские награды за свое служение. Уполномоченный по Гомельской области А. Н. Ятченко отмечал, что подобные проповеди располагали прихожан к священнослужителям, и расценивал подобные выступления как форму психологического воздействия на верующих [13, л. 9].

Любое собрание прихожан могло состояться лишь после получения разрешения от властей. Исполнительный орган Николаевской церкви в 1980 г. получил внушение со стороны уполномоченного Г. С. Заторы за самовольное проведение собрания «двадцатки» и предоставление кафедры незарегистрированным проповедникам [12, л. 160].

Несовершенство советского законодательства о культурах ставило и уполномоченного, и духовенство в сложное положение, внося путаницу в опре-

деление полномочий органов, контролирующих церковь. Созданные во второй половине 1970-х гг. при райисполкомах и горисполкомах комиссии по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах нередко подвергались критике со стороны республиканского Совета по делам религий. Им в вину вменялась неправомерная практика истребования у религиозных обществ списков лиц, участвовавших в обрядах. Совет указывал, что нередко комиссии на местах превышали свои полномочия, например, требуя от священнослужителей сократить религиозную обрядность, соблюдать установленное время отправления службы. Из ведения комиссий было изъято внедрение светских обрядов, антирелигиозное воспитание и пропаганда, что дезориентировало их деятельность. В то же время столичные инспекторы в ходе проверки (май – июль 1982 г.) указывали, что местные власти Гомеля ослабили контроль за деятельностью комиссий, что позволило церковникам привлекать детей к религиозным церемониям (Николаевская церковь г. Гомеля) [12, л. 160].

Оживление церковной жизни в БССР связано с назначением на Белорусскую кафедру 10 октября 1978 г. митрополита Филарета (Вахромеева) (1935–2021). До своего назначения в Минск он занимал должности ректора Московской духовной академии, Патриаршего Экзарха Западной Европы. Приняв кафедру, владыка использовал любую возможность для выезда в приходы, проводил богослужения. Местные власти пытались ограничить разъезды архиерея, но чинить препятствия уже не смели. Митрополит Филарет ввел в практику обращение к верующим по случаю Пасхи, которое зачитывалось во время праздничного богослужения [5, л. 26]. Посещаемость храмов на Пасху оставалась высокой, так, в 1981 г. Пасхальное богослужение в Гомельской церкви посетило 4–4,5 тыс. человек [7, л. 39].

Избрание в марте 1985 г. на должность Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева не сразу принесло изменения в церковно-государственные отношения. Принятая XXVII съездом Программа КПСС (1986 г.) сохраняла установку на искоренение религиозности из сознания советских людей. Парадоксальность «перестройки» заключалась в том, что либерализацию жизни советского общества предполагалось вести в узких рамках ленинских принципов «партийного демократизма».

Решение ЮНЕСКО о широком праздновании тысячелетия Крещения Руси несколько осложнило работу партийным идеологам, поскольку те считали, что церковники используют юбилейные торжества для популяризации религии. Характерна, в этой связи, реакция гомельского уполномоченного Г. С. Заторы на решение ЮНЕСКО: «В целях недопущения активизации приходов РПЦ осуществить контроль за подготовкой и проведением мероприятий, посвященных тысячелетию введения христианства на Руси» [14, л. 7]. По случаю Пасхи (10 апреля 1988 г.) уполномоченный считал необходимым усилить контроль за содержанием проповедей [15, л. 53].

Качественный сдвиг во взаимоотношениях советского государства и РПЦ произошел после встречи 29 апреля 1988 г. М. С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Пименом. Патриарх и члены Синода ходатайствовали об установлении равных гражданских прав, без дискриминации верующих. Выступая на XIX Всесоюзной партийной конференции (июнь – июль 1988 г.) Генеральный секретарь ЦК КПСС заявил, что отношение КПСС к религиозному мировоззрению как ненаучному, нематериалистическому не дает оснований «для неуважительного отношения к духовному миру верующих людей и тем более применения какого бы то ни было административного давления для установления материалистических воззрений» [16, с. 317].

С 1988 г. в церкви уже по-новому ведется регистрация религиозной обрядности. Так, теперь при регистрации крещения ребенка требуется только свидетельство о рождении. Как следствие, наблюдается рост крещений детей. Если в 1986 г. в Гомеле процент крещений составил 15,9, то в 1989 г. уже 31,1. По Гомельской области соответственно в 1986 г. – 14,6 %, в 1989 г. – 29 % [17, л. 23].

Происходившие перемены в социально-политической и духовной жизни страны находили живой отклик как у православного духовенства, так и у мирян. Верующие стали более требовательны и настойчивы в том, что касалось их законных религиозных интересов. Их просьбы о строительстве, приобретении, ремонте культовых зданий, снабжении электричеством, водой, топливом властями теперь признавались вполне справедливыми, во всяком случае, как отмечал уполномоченный по Гомельской области Г. С. Затора, «просто так отпихнуться от этих требований или не замечать их, как многие должностные лица поступали в прошлом, сегодня уже невозможно» [15, л. 53].

Активизировались просьбы о регистрации религиозных обществ. В 1987 г. на имя уполномоченного по Гомельской области поступили заявления от верующих Вербовичей и Годичево о возвращении им зданий бывших церквей и просьба о передаче гомельского Петропавловского собора верующим. Практически все обращения верующих сопровождалась просьбой: «Вы только дайте разрешение открыть церковь, а отремонтируем мы ее сами». По поводу Годичевской церкви уполномоченный Г. С. Затора решил, что нет необходимости открывать церковь, «так как в радиусе 10 км действуют православные церкви в д. Черетянка (5 км), д. Глубоцкое (8 км), д. Кравцовка (10 км). Между этими деревнями имеется регулярное автобусное сообщение».

Некоторые просьбы все-таки решались для верующих положительно, как, например, в Кравцовке. Два года местные жители настойчиво ставили вопрос о передаче им здания бывшей церкви, в котором длительное время была восьмилетняя школа. После открытия новой школы в 1986 г. здание бывшей церкви пустовало. Гомельский райисполком планировал перестроить его под квартиры или детский сад. Бесперспективность этого проекта

(нехватка средств) позволила уполномоченному удовлетворить просьбу верующих [18, л. 53].

Гораздо упорнее шла борьба за гомельский Петропавловский собор. После закрытия собора в 1960 г. здание переоборудовали под планетарий, который просуществовал с 1962 г. по 1985 г. Затем собор стоял заброшенным. Когда верующие начали обращаться с просьбами о передаче им храма, городское руководство высказалось категорически против, отстаивая проект концертного зала и установки в соборе органа.

Инициативную группу верующих, добивавшихся передачи Петропавловского собора, возглавила Мария Васильевна Богуш, впоследствии ставшая насельницей Тихвинского монастыря г. Гомеля. Она обратилась за поддержкой к митрополиту Минскому и Белорусскому Филарету во время его визита в Гомель 22 мая 1987 г. по случаю престольного праздника в Николаевской церкви. Владыка благословил на создание «двадцатки», и в ноябре 1988 г. в Гомеле был зарегистрирован второй православный приход, члены которого начали собирать подписи за возвращение Петропавловского собора [19, л. 2–3].

За шесть месяцев 1987–1988 гг. было направлено 16 заявлений в разные инстанции. На имя председателя Совета по делам религий при Совете Министров БССР под обращением стояло 4068 подписей. Первоначальная реакция властей была предсказуемо негативной. Уполномоченный Г. С. Затора отмечал: «...учитывая, что в настоящее время в газетах и журналах публикуется немало статей, воспринимаемых верующими как новый курс в отношении религии и церкви, нам необходимо более активно вести наступательную атеистическую пропаганду, ускорить переоборудование пустующих культовых зданий под культурно-просветительские учреждения» [20, л. 22, 28]. Спустя год, когда сессия Гомельского горсовета в сентябре 1989 г. передала здание Петропавловского собора второму православному объединению для реставрации и дальнейшего использования в культовых целях, тот же уполномоченный оценивал передачу храма верующим как «трезвый и разумный подход к решению сложившейся конфликтной ситуации», который «укрепил авторитет партийно-советского актива города в глазах верующих» [19, л. 2–3].

Решающую роль в возвращении собора верующим сыграл широкий общественный резонанс. Православных гомельчан поддержала местная интеллигенция. Инициативная группа обратилась за помощью в Фонд культуры, который тогда возглавлял академик Д. С. Лихачев. К решению вопроса были привлечены деятели культуры, науки, космонавты, депутаты Верховного Совета СССР [21, л. 23–25]. Сочувственно высказался в отношении просьб верующих председатель Совета по делам религий СССР К. М. Харчев. Большое значение имело участие в судьбе собора митрополита Филарета, грамотно проводившего переговоры с Гомельским облисполкомом, хотя его

встреча с председателем облисполкома, состоявшаяся 20 февраля 1989 г. в присутствии гомельского благочинного Ф. Д. Харика, была освещена в «Гомельской правде» крайне скупо, а о проблеме собора и вовсе не было упоминания [19, л. 40; 22, л. 51, 54–55].

Когда Гомельский горсовет в сентябре 1989 г. принял положительное для верующих Гомеля решение, уполномоченный Г. С. Затора не счел нужным оповестить об этом инициативную группу. М. В. Богуш узнала об этом 28 сентября 1989 г. во время очередного похода на прием к чиновнику. Первая Божественная литургия в Петропавловском соборе состоялась на Рождество 7 января 1990 г.

Рубеж 1980–1990-х гг. стал временем массового открытия новых приходов. Если 1 января 1980 г. в области насчитывалась 41 православная церковь, то 1 января 1990 г. в области было уже 56 православных общин [4, л. 4; 19, л. 1]. При этом уполномоченный, пытаясь завуалировать рост приходов, в отчете за 1989 г. проводит сравнение не с предыдущим годом, а с 1954 г. (до хрущевского погрома РПЦ), отмечая, что православных общин в области к началу 1990 г. на 15 меньше. Кроме того, Г. С. Затора был уверен, что всплеск религиозности населения связан с аварией на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС). Действительно, сложное положение, в котором оказались многие люди, содействовало массовому крещению не только детей, но и взрослых.

К началу 1990 г. сложились благоприятные условия для воссоздания Гомельской епархии Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата, что было утверждено Священным Синодом 19 февраля 1990 г. Устав епархии был зарегистрирован 18 октября 1991 г. [23, л. 1, 7]. Первому правящему архиерею епископу Гомельскому и Мозырскому Аристарху (Станкевичу) (1938–2012) предстояла большая организационная работа по устройству приходов, их регистрации, ремонту старых и строительству новых церковных зданий. Остро стоял кадровый вопрос, – подготовленных священников не хватало.

Социально-политические перемены, происходившие в СССР, отразились в принятом 1 октября 1990 г. новом законе «О свободе совести и религиозных организациях». Впервые в разработке подобного закона приняли участие и представители РПЦ. Теперь права юридического лица получила РПЦ как организация в целом, а не только ее отдельные приходы и религиозные учреждения. Следствием получения прав юридического лица стало развитие производственной и хозяйственной деятельности религиозных организаций. Был изменен порядок регистрации общин. Для получения прав юридического лица общине достаточно было зарегистрировать только устав. Она могла действовать и без регистрации устава, но в этом случае община не могла открывать счет в банке, приобретать или арендовать здание.

Закон разрешил религиозное обучение детей при сохранении принципа отделения школы от церкви. Преподавание вероучения допускалось в лю-

бых дошкольных и учебных заведениях и организациях на факультативной основе.

Совет по делам религий был лишен властных полномочий по отношению к религиозным организациям. Он стал информационным, консультативным и экспертным центром. В БССР институт уполномоченных Совета по делам религий был преобразован в 1991 г. Основную функцию регулятора отношений между государством и церковью стали исполнять Советы по делам религий при облисполкомах. Новый орган в Гомельской области возглавил бывший уполномоченный Г. С. Затора [24, с. 654, 670; 25, л. 1, 3, 7–9].

После провозглашения государственной независимости Республики Беларусь в декабре 1992 г. был принят закон «О свободе совести и религиозных организациях», положивший конец противостоянию церкви и государства. Государство признало, что деятельность религиозных организаций содействует установлению отношений терпимости и уважения между гражданами, которые исповедуют религию или не исповедуют ее. Подтвердив отделение церкви от государства, закон дал церкви самостоятельность и подчеркнул, что государство не возлагает на религиозные организации исполнение каких-либо государственных функций и не вмешивается в деятельность религиозных организаций, если она не противоречит законодательству.

Несмотря на сложное материальное положение, в котором оказалась страна в результате трансформации советской социально-экономической системы, церковь расширила свою благотворительную деятельность, которая в прежнее время была фактически запрещена за исключением отчислений в государственные фонды. В 1989 г. вклад православной церкви Гомельщины в различные фонды составил 220,3 тыс. рублей, что в 2,5 раза было больше, чем в 1988 г. Первоначально благотворительность была безадресной и не приносила духовенству и прихожанам удовлетворения. Они хотели видеть конкретный результат своей деятельности. Поэтому из 108,8 тыс. рублей в 1989 г. непосредственно в фонд охраны памятников истории и культуры приходами было перечислено только 3 тыс., остальное – на восстановление конкретных историко-культурных памятников: Жировичского монастыря (11,2 тыс. руб.), Полоцкого монастыря (24,7 тыс. руб.), Петропавловского собора в Гомеле (53,2 тыс. руб.), Толгского монастыря (7,9 тыс. руб.), Оптиной пустыни (8,6 тыс. руб.), Данилова монастыря в Москве (0,2 тыс. руб.). Из 31,4 тыс. рублей в фонд милосердия и здоровья было перечислено 6,2 тыс. рублей, на помощь пострадавшим в железнодорожной катастрофе в Башкирии – 8,5 тыс. рублей, на ликвидацию последствий землетрясения в Армении – 16,7 тыс. рублей. Не могла не отреагировать церковь и на Чернобыльскую трагедию. Регулярно перечислялись средства в фонд помощи пострадавшим от аварии на ЧАЭС. Так, в 1986 г. приходы

Гомельской области перечислили 20 тыс. рублей [18, л. 15]. Православные приходы начали брать шефство над домами престарелых, инвалидов, детскими домами. Например, прихожане Николаевской церкви г. Гомеля оказывали помощь Дуяновскому дому-интернату. Одним из конкретных дел стало приобретение для постояльцев интерната цветного телевизора [19, л. 6, 8, 45].

Анализ церковно-государственных отношений в поздний советский период позволяет сделать вывод о том, что РПЦ, невзирая на переменчивость социально-экономической и политической ситуации в стране, оставалась верна главному своему назначению – окормляя людей, способствовать их духовному перерождению и спасению.

Список литературы

1 **Гончаренко, Е. В.** Модернизация советского законодательства о религиозных культах в 1964–1982 гг. (период Л. И. Брежнева) / Е. В. Гончаренко // Исторические исследования : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://moluch.ru/conf/hist/archive/129/8092/>. – Дата доступа : 11.12.2020.

2 Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 118.

3 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 106.

4 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 128.

5 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 122.

6 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 102.

7 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 140.

8 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 142.

9 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 87.

10 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 109.

11 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 139.

12 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 136.

13 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 111.

14 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 149.

15 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 153.

16 Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.] ; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

17 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 150.

18 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 151.

19 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 174.

20 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 162.

21 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 163.

22 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 154.

23 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 195.

24 **Цыпин, В., протоиерей.** История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / Протоиерей Владислав Цыпин. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 816 с.

25 ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 203.